

РЕБЕНОК В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ БАТАКОВ СЕВЕРНОЙ СУМАТРЫ¹

«Пусть рождается много сыновей, пусть рождается много дочерей, пусть рождается много скота, и пусть будет хороший урожай на полях» [Winkler 1925: 53] — таковы основные жизненные идеалы 3,7 млн батаков, народа, живущего в северной части острова Суматра [Брук 1986: 343]². После обручения будущие супруги нередко идут к жрецу, чтобы он предсказал, гадая по их именам, станет ли брак счастливым, а это значит прежде всего, будут ли у молодых дети [Winkler 1925: 188]. Один из самых важных свадебных ритуалов состоит в том, что новобрачных осыпают зернами риса — действие, символизирующее пожелание многочисленного потомства [Winkler 1912: 564]. Чем больше детей в батакской семье, тем выше ее престиж и авторитет отца — главы такой семьи — среди соплеменников. Особенно сильно желание иметь много детей у отцов из племен каро и мандайлинг [Braun 1959: 48]. Каро батаки считают, что любовь между супругами длится не более года, а потом самые нежные чувства родители испытывают к детям [Singarimbun 1975: 46–47].

Особое отношение к детям объясняется не только природным чадолюбием; оно коренится в системе батакского традиционного мировоззрения и жизненного уклада. Ребенок осуществляет связь поколений и поддерживает, таким образом, непрерывность существования батакской общины. У тоба батаков есть слово *gabe* — «быть благополучным, счастливым». Так говорят о людях, имеющих большую семью, включающую внуков и правнуков по мужской и женской линиям [Niessen 1985: 102]. И не случайно удвоенная форма этого слова — *gabe-gabe* — означает «беременная женщина» [Warneck 1977: 82–83]. Кроме того, ребенок, особенно малолетний, а точнее, его «душа» или «жизненная сила», считается хранителем домашнего благополучия. *Пулук* — особая масса, приготовленная из сердца, мозга и печени умершего ребенка, закладывается в жреческие жезлы как бы для защиты всей общины от врагов и от влияния со стороны враждебных племен [Ревуненкова 1973а: 183–200].

¹ Впервые опубликовано в: Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Южной и Юго-Восточной Азии. М., 1988. С. 39–61.

² Батаки разделяются на несколько племен: тоба, каро, мандайлинг, ангола, да-ири (пак-пак), тимур (симелунган). Представления, связанные с рождением и воспитанием детей, символические формы выражения определенных периодов в жизни ребенка, отношения детей с родителями и между собой не во всем совпадают у различных батакских племен. Вряд ли поэтому можно говорить о единой батакской модели воспитания детей. В данном очерке будут освещены особенности формирования личности ребенка и представления, связанные с ним, у отдельных батакских племен, а там, где возможно, отмечены общебатакские черты в воспитании детей.

Отсутствие детей в семье переживается как большое несчастье и позор. По этой причине либо может быть расторгнут брак, либо муж может прийти в дом вторую жену [Vergouwen 1964: 248–249].

С просьбой даровать потомство тоба батаки обращаются к божеству Дебата Сорипада или к предкам-основателям рода — *дебата идун*, изображения которых находятся в доме около очага. По представлениям батаков, предки принимают постоянное участие в жизни общины, как бы оставаясь ее членами. Умершие и перешедшие в потусторонний мир и живущие в земном мире неразрывно связаны друг с другом³. И в том и в другом мире наиболее высокий статус имеет тот, у кого много детей. За предками ухаживают и кормят их потомки, которые в свою очередь обращаются к прародителям за помощью во всех важных жизненных ситуациях, в том числе и при отсутствии детей. Бездетные супруги должны постоянно носить изображения предков на спине, мужчины — предка мужского пола, женщины — женского. Прародителям, будто бы живущим в специальном доме предков, преподносят большие пироги и тоже просят ниспослать детей [Voorhoeve 1939a: 290]. В области Сималунган семье, не имеющей детей или сыновей (что одно и то же), следует вырезать кукол-марионеток в виде предков и устроить театральное представление, в результате чего должны появиться желанные дети [Voorhoeve 1939b: 179–192].

Отсутствие детей батаки объясняют разными причинами, но наиболее распространенные из них две: «души» или «жизненные силы» (*тонди*) супругов не подходят друг к другу; действуют злые силы — *бегу*. Понятия *тонди* и *бегу* составляют основу традиционного мировоззрения батаков, без знакомства с ними трудно проникнуть в смысл различных предписаний, ритуалов и форм поведения членов батакской общины во время ожидания и после рождения ребенка.

Тонди у батаков — это целый комплекс представлений, связанных с обеспечением жизненных функций в самых разнообразных их проявлениях. Краткое определение *тонди* мы уже дали — «душа», «жизненная сила, энергия». Однако следует объяснить, что имеют в виду батаки. Все предметы и явления окружающего мира наделены тонди, но в разном количестве. Наиболее насыщены тонди люди, животные, некоторые растения, особенно рис — главный продукт питания. В свою очередь, разным людям ниспослано разное количество тонди: самая высокая концентрация жизненной силы у жрецов, вождей и многодетных родителей. Каждый ребенок, следовательно, своим появлением на свет увеличивает жизненную силу родителей. Даже у одного человека не все органы тела содержат одинаковое количество этой жизненной силы. Больше всего ее в сердце, печени, желудке, мозге, глазах. Тонди — синоним дыхания.

Столь же насыщены жизненной энергией части человеческого тела, способные возрождаться (ногти, волосы, зубы), а также выделения — слю-

³ О роли предков см.: [Moss 1925; Stöhr, Zoetmoelder 1965: 191–192; Warneck 1909: 84–89; Winkler 1925: 129–150].

на, кровь, пот, слезы, экскременты, отошедшие во время родов околоплодные воды, пуповина, плацента.

Тонди обладает способностью эманации и может переходить от человека к предметам, созданным его руками, или даже к тем, с которыми он соприкасается, например к одежде. Тонди человека передается его тени, произнесенному им слову. Тонди может передаваться от отца ко всем членам семьи, от матери — ребенку, от одного человека к другому, и при этом количество жизненной энергии у человека, источника эманации, не меняется. Но если человек лишается частей или органов, содержащих тонди, то общее количество силы уменьшается, что неблагоприятно отражается на его судьбе.

Тонди, пребывая в человеке постоянно, охраняет его от опасности, придает ему духовное и физическое равновесие, т. е. здоровье и благополучие. Но эта жизненная сила очень эфемерна, легко ускользает, если ее обидеть, может отделиться от «хозяина» и вести самостоятельное существование, особенно во время сна или болезни человека.

Тонди как созидающей жизненной силе противостоит разрушающая сила *бегу*. *Бегу* — это прежде всего души умерших, их называют *тонди ни мате* — «тонди умершего». Среди душ умерших есть особенно опасные. К ним батаки относят души недавно умерших, прежде всего из враждебного племени, а также погибших от бешенства, на чужбине, умерших позорной или неестественной смертью (души самоубийц, утопленников). Души женщин, умерших в родах, тоже считаются особенно опасными. Предполагается, что они хотят как можно больше людей, в том числе и детей с еще слабой жизненной силой, утащить в мир мертвых. Эти души недавно умерших надо постоянно умиротворять, приносить им жертвы. Со временем они утрачивают свой вредоносный характер. Потомки умерших устраивают специальные празднества, в результате которых *бегу* становятся духами более «высокой категории»: сначала *сумангат*, потом *сомбаон*, которые близки к обожествленным предкам⁴.

Тонди и *бегу* выражают свои желания через человека, который находится в полной зависимости от них. Если в несколько упрощенной форме выразить суть многочисленных обрядов жизненного цикла у батаков, в том числе и связанных с рождением новой жизни, то можно сказать, что все они состоят в укреплении *тонди* — жизненной силы, души, — и устранении *бегу* — неблагоприятного влияния душ умерших.

Женщина в ожидании ребенка должна соблюдать целую систему запретов и предписаний, цель которых — взрастить, сохранить и упрочить жизненную силу ребенка, защитить ее от вредоносных воздействий. На этот случай имеются *пагар* — многочисленные лекарства, противоядия, изображения, предметы, выполняющие защитную функцию, и т. д.⁵ Есть даже особый *пагар паророт* для защиты детей. Это изображение четырех-пяти че-

⁴ О *тонди* и *бегу* см.: [Winkler 1925: 131–150].

⁵ О *пагаре* см.: [Winkler 1925: 113–115; Ревуненкова 1969].

ловеческих фигурок, вырезанных из бамбука. Их прикрепляют к ротановому шнуру и вешают над головой беременной женщины, когда она спит. Особенно важно подвешивать это изображение во время родов и в первые дни после них. В это время мать и малыш особенно подвержены действию бегу. Все девять месяцев беременности женщины носят в волосах специальные обереги, амулеты в виде двух детских фигурок (мальчика и девочки) или золотой монеты, завернутой в белую ткань. Эти амулеты охраняют детей в утробе матери, предотвращают болезни, преждевременные роды [Braun 1959: 22, 36, 38; Winkler 1925: 116–117; Warneck 1909: 95].

Существуют определенные правила изготовления и ношения этих амулетов. Все они делаются специальным жрецом. Когда говорят *хадеке-кан сангул* — «потеряно украшение прически», то это значит, что у женщины произошел выкидыш [Winkler 1925: 116]. У батаков племени тимур жрец совершает специальный фаллический ритуал для защиты матери и будущего малыша от тех вредоносных сил, которые исходят от враждебного племени и вызывают бесплодие или мешают нормальным родам [Braun 1959: 38].

Ожидая ребенка, женщина должна строго соблюдать предписанные ей правила поведения, чтобы своими действиями не нанести ущерб жизненной силе ребенка, не вызвать у него болезнь. Она, например, не смеет обливать ложку при варке риса или зашивать дырки на своей одежде прямо на себе — это может обернуться для ребенка кожной болезнью (тоба батаки). Беременная женщина должна следить за тем, чтобы не оказаться перед открытой дверью, иначе ей предстоят трудные роды. Ей не разрешается присутствовать при родах другой женщины, поскольку тонди ее ребенка может перейти к роженце. Беременной полагается есть не спеша, иначе ее ребенок будет извергать пищу. Ей нельзя брать еду у других, доедать за кем-нибудь. Во время беременности рекомендуется есть древесную золу, чтобы глаза злых духов бегу, подстерегающих будущую мать, стали мутными (каро батаки, тимур) [Braun 1959: 31]. Подобных предписаний множество у различных батакских племен.

Особые запреты во время беременности касаются зубов и волос. Женщина, ожидающая ребенка, не должна смотреть на мужчину, у которого не подпилены и не почернены зубы, потому что большие и белые зубы, по мнению батаков, бывают именно у бегу. Если женщина оближет ступку для растирания пряностей, то голова у ребенка будет такая же лысая, как облизанная ступка (тоба батаки) [Winkler 1925: 35]. Беременной женщине нельзя распускать волосы, это может вызвать ее смерть во время родов, болезнь ребенка (батаки мандайлинг). Считается также, что распущенные волосы вызывают ослабление родовых путей и преждевременные роды. Поэтому во время беременности волосы следует завязывать узлом, а при родах, наоборот, распустили их, чтобы облегчить выход ребенка. Вообще зубы и волосы батаки считают насыщенными жизненной силой, поэтому особые запреты и обряды, связанные с ними, сопровождают человека от рождения до смерти и играют важную роль в обрядах инициации.

Особую опасность представляет для беременной женщины другая, умершая в родах. Ее дух старается увести в мир мертвых живую женщину и ее будущего ребенка. Муж в этом случае разводит огонь перед входом в деревню и, размахивая ножом, наносит удары по воздуху, отгоняя духа умершей от своей жены [Braun 1959: 22, 24, 119–120]. Если женщина родила одновременно с соседкой, умершей во время родов, то по внешним углам дома молодой матери вешают ветки цитрусовых с шипами, которые могут выколоть глаза злым духам [Winkler 1925: 67].

В особом положении в связи с ожиданием ребенка находится не только будущая мать, но и будущий отец. На него также распространяется ряд запретов, которые он обязан выполнять. Во время беременности жены муж не ходит на охоту. В это время он не смеет давать клятву, а если она уже дана, то исполнить ее должен кто-то другой (каро батаки, тимур, мандайлинг) [Braun 1959: 34, 37, 40]. В этот период муж беременной отказывает в помощи даже близким родственникам жены, обещая помочь им после «праздника», т. е. после родов. Ему нельзя в это время давать огонь от своего очага, дежурить около трупа умершего родственника. Это может привести к смерти жены и будущего ребенка [Winkler 1925: 35, 37, 71]. Муж беременной не должен стричь волосы, иначе ребенок родится лысым (каро батаки, тимур), а у мандайлинг — также и ногти, которые, как и волосы, содержат много жизненной силы, и потеря ее будущим отцом неминуемо скажется на членах семьи, в том числе и на малыше.

Женщина в период беременности становится объектом внимания и заботы, в действительности же не столько она сама, сколько жизненная сила ребенка, которая проявляет себя через тонди матери [Winkler 1925: 66]. Ближайшие родственники, прежде всего муж, стараются удовлетворить любые желания будущей матери, особенно в отношении еды, иначе тонди ребенка может потом отомстить им. Если желание беременной почему-либо выполнить невозможно, следует совершить ряд церемоний, чтобы успокоить тонди ребенка; неутоленные желания могут неблагоприятно влиять на ребенка не только во время родов, но и в первые годы жизни [Braun 1959: 33].

В этот период меняется поведение мужа и отца. У мандайлинг в семье, например, обычно самая тяжелая работа достается жене, но только пока она не беременна. В доме будущей матери всю работу делает муж, он готовит для жены, дарит ей подарки, не забывая и ее родственников. У мандайлинг и тоба отец женщины, ждущей ребенка, на седьмом месяце беременности выделяет ей участок рисового поля, приносит дары, среди которых *уло* *ни тонди* (платок жизненной силы) для защиты тонди матери и ребенка. Им обычно накрывают больного или женщину, у которой были трудные роды. Если женщина ждет первого ребенка, ей дарят этот платок до родов, а если у нее уже есть дети, она получает такой платок после каждого следующих родов [Niessen 1985: 13]⁶.

⁶ В книге исследуется роль ткани в системе традиционного мировоззрения тоба батаков как объекта ритуально-церемониальных дарений, символа социальных и родственных связей, пространственно-временных категорий.

Вместе с платком будущий дед дарит ритуальную еду — рис, бананы, пирожки из рисовой муки, — предназначенную для тонди матери и малыша, произносит благопожелания, обеспечивающие счастливый исход. Муж в ответ на это выражает надежду, что эти благопожелания исполнятся, и обещает в свою очередь преподнести тестю дары — буйвола или быка, меч [Winkler 1925: 108–109; Warneck 1909: 47, 58, 95].

Другие родственники также постоянно проявляют заботу о беременной женщине. У батаков племени тимур члены родственной группы особенно часто посещают женщину на седьмом-восьмом месяце беременности, даже если они живут далеко от нее. Ей дарят подарки, дают множество советов. Вся община охраняет будущую мать; у каро батаков к ней часто приходят соседки, особенно многодетные, приносят дары, красивую одежду, украшения, осыпают голову беременной зернами риса, ласково обращаясь при этом к тонди ребенка: «Пусть твоя тонди будет так же крепка, как эти зерна риса» [Neumann 1904: 114].

У большинства батакских племен существует представление о том, что ребенок наследует «белую» кровь отца и «красную» кровь матери⁷. У каро батаков большая роль в возникновении жизненной силы ребенка приписывается брату матери. Его кровь наследует мальчик. Когда у каро батаков спрашивают: «Кто дал жизнь этому ребенку (т. е. сыну)?», — то хотят узнать, кто его дядя с материнской стороны [Singarimbun 1975: 46–47]. Если брак оказывается бездетным, то с дарами прежде всего идут к брату матери, стараются устроить общую трапезу с ним [Braun 1959: 18]. Ему же наносят визиты в период беременности в надежде, что это поможет при родах. Духовная роль дяди, брата матери, значительна не только в период ожидания ребенка, она важна и потом. Брат матери принимает участие в воспитании племянников, детей сестры, наравне с их родителями. Влияние дяди ослабевает лишь тогда, когда его дочь выйдет замуж за сына сестры, т. е. будет заключен наиболее предпочтительный у каро батаков брак [Singarimbun 1975: 54; Braun 1959: 9].

В жизни батакской общины ни одно важное событие не обходится без совета жреца, а иногда и шамана⁸. Не составляет исключение и период ожидания ребенка. Как отмечалось, именно жрец делает специальные обереги, защищающие тонди еще не родившегося ребенка, он знает множество рецептов лекарств, противоядий, обезвреживающих действие злых сил. Жрец управляет жизненными силами других людей, нейтрализует воздействие вредоносных сил. К жрецу обращаются для толкования снов во время беременности, прислушиваются к его предсказаниям, которые он делает, соотнося различные приметы в поведении оракульных птиц, животных, внимательно исследуя особенности их внутренних органов и т. п. Если будущие

⁷ Сравним сходную цветовую символику у африканских племен [Тэрнер 1983: 72–78].

⁸ О деятельности батакского жреца см. с. 247–272, 316–335 наст изд.; [Ревуненкова 1969; 1973б].

родители видят во сне копые, значит, надо ожидать рождения сына, который в будущем станет вождем, если во сне фигурирует нож, то из этого следует, что сын будет глупым, если родителям приснилась ткань, следовательно, у них родится девочка. Видеть во сне пальмовое вино означает, что жизнь ребенка сложится удачно, солнце — значит, у родителей будет только один сын, но вполне благополучный. Гадая по поведению оракульного петуха, жрец может определить пол и характер будущего ребенка, а по внутренностям петуха предсказывает судьбу малыша [Braun 1959: 27; Winkler 1925: 108]. У мандайлинг судьбу матери и ребенка предсказывает и шаманка, но своим, специфическим, способом: она помещает смесь из рисовых зерен, гамбира и орехов в плетеную сумку и, неся ее на вытянутых руках, дает указания, что надо делать для благополучного течения родов, предсказывает, что ожидает мать и ребенка в будущем [Warneck 1909: 53]. У каро батаков предсказывают судьбу ребенка по тому, какие подарки преподносят беременной: твердые или металлические предметы свидетельствуют о крепкой и твердой жизненной силе, а следовательно, и благополучной судьбе. Если же в дар приносят мягкие предметы, то жизнь ребенка сложится не просто. Верховное божество или его посланник, по мнению каро батаков, посещает еще не родившегося ребенка и предоставляет ему возможность выбрать свою судьбу, но это бывает только до седьмого месяца беременности. Позже судьбу ребенка изменить уже невозможно.

Таким образом, с начала беременности у батаков принимаются меры для обеспечения благополучных родов. Этим озабочены сами женщины, строго соблюдающие предписанные им правила поведения и постоянно имеющие при себе средства защиты от вредоносных сил, а также их родственники, члены общины, жрецы и шаманы, которые своими действиями должны отвратить все несчастья и способствовать благополучному появлению на свет нового человека. Особая роль у батаков племени тимур отводится повитухе, которая, прежде чем согласиться помогать беременной, созывает всю семью и при всех гадает, предсказывая, какие будут роды. Начиная с седьмого месяца беременности повитуха не только, как мы сказали бы, «наблюдает» беременную женщину, но и совершает жертвоприношения, чтобы отвести несчастья от матери и малыша.

У тоба батаков женщины, как правило, рожают дома. Если схватки начались где-то в другом месте, то роженицу стараются доставить домой. У каро батаков женщина может рожать и в поле, и в любом другом месте. Когда начинаются роды, тоба батаки удаляют из дома всех членов семьи, у которых не подпилены и не почернены зубы; у каро батаков в это время все мужчины покидают дом, а лицо роженицы мажут черной краской, чтобы отпугивать злых духов. В доме развязывают все узлы, женщине распускают волосы, чтобы ребенку было легче выходить (тоба батаки, мандайлинг). Женщины у тоба батаков обычно рожают без помощи повитухи, но в более серьезных случаях обращаются к шаманке, а при тяжелых родах — к жрецу. Жрец дает всевозможные лекарства, отвращающие злых духов, специальную жвачку из смеси бетеля и массы пупук, окуренной благовония-

ми. Если эти средства не помогают, жрец пробует давать роженице другие приготовленные им лекарства, а если и они не помогают, то женщину переносят в другой дом. У каро батаков при тяжелых родах тоже обращаются за помощью к жрецу, который дает средства, облегчающие роды, а при случае может оказать и хирургическую помощь. У мандайлинг прибегают к помощи старых опытных женщин или мужчин.

Очень внимательно следят, чтобы плацента вышла сразу после появления ребенка. Отец новорожденного у тоба батаков бьет по балке и кричит, обращаясь к плаценте: *Порсак донганму!* («Следуй за своим другом!»). Плаценту называют младшим братом или сестрой новорожденного, а околоплодные воды — старшим братом. Эти «братья» являются в то же время духами-хранителями детей на протяжении всей жизни [Braun 1959: 35]. Плацента содержит очень много жизненной силы; ее обычно закапывают под домом, иногда предварительно завернув в белую ткань или положив в рисовый мешок, как это делают батаки тимур. В месте, где зарыта плацента, ничего не должно расти, дети не смеют там играть; считается, что здесь находится тонди всего дома. У мандайлинг плаценту кладут в глиняный горшок и пускают по реке [Winkler 1925: 36; Braun 1959: 62, 71].

Если женщина во время родов умирает, то чаще всего убивают и ребенка, если он рождается живым. Хоронят его вместе с матерью (каро батаки, тимур). Считается, что будучи «убийцей» матери, он принесет несчастье всей семье. Мертворожденного ребенка закапывают под домом, как и плаценту. Делают это тайком от жреца, чтобы он не смог использовать сердце, мозг и печень ребенка, сохраняющие еще жизненную силу, для приготовления особой массы *пуук*, которую, как мы упоминали, жрец закладывает в свой жезл и другие ритуальные принадлежности, тем самым «оживляя» их и наделяя магической способностью защищать от врага⁹.

Муж принимает деятельное участие в процессе родов. У тоба батаков в его обязанности входит изготовление бамбукового ножа для отрезания пуповины, заготовка дров для очистительного огня, приготовление особого блюда из куриного мяса, лимонного сока и перца, которое способствует сокращению матки роженицы. Кроме того, муж в это время выполняет всю работу по дому: обрушивает и сушит рис, готовит пищу, кормит свиней, работает в поле и на огороде. Он устраивает праздничную трапезу после родов и приглашает на нее всех женщин общины. На этом празднике муж дарит отцу своей жены лошадь, буйвола или быка как ответный дар на подарки, преподнесенные тестем до родов [Braun 1959: 47]. Особенно щедрый и радостный праздник устраивается по случаю рождения первенца-сына. У батаков предпочтение отдают рождению мальчиков, поскольку право наследования семейной собственности, титулов, должностей, а также духохранителей семьи идет по мужской линии [Singarimbun 1975: 40]. Дочери не столь желанны, хотя они благодаря браку значительно укрепляют благосостояние семьи и повышают тем самым ее социальный статус. У батаков

⁹ Подробнее об этом см. с. 289–290 наст изд.

племени пак-пак (даири) праздник устраивается только по случаю рождения сына. У тоба батаков рождение в семье одних девочек большое огорчение, а у каро батаков может стать причиной для развода [Singarimbun 1975: 40; Braun 1959: 48, 75].

Само понятие «ребенок», как было упомянуто, совпадает у батаков с понятием «сын». Автор воспоминаний о своем детстве батак племени тоба Поспос пишет об этом так: «Я — единственный ребенок. Есть, правда, у меня еще сестренка, но девочки у нас не считаются детьми. Несмотря на это, отец не баловал меня. Он говорил: “Лучше совсем не иметь ребенка (*анак* на батакском языке означает “сын”, а дочь называется *бору*), чем иметь дурно-го ребенка”» [Pospos 1950: 16].

После рождения ребенка женщина должна пройти обряд очищения, т. е. сидеть у огня в течение четырех дней у тоба, семи или, по другим данным, двадцати дней у мандайлинг и двадцати четырех дней у даири.

С появлением новорожденного со всей семьи снимаются запреты, которые соблюдались во время беременности. Если до родов все внимание и забота были направлены на охрану жизненной силы неродившегося ребенка, то с появлением его на свет одновременно с укреплением и защитой его тонды от вредоносных сил вступают в действие обряды приобщения его к жизни коллектива.

Как до рождения ребенка, так и сразу после его рождения большую роль играют советы и предсказания жреца. Уже через несколько дней после рождения приглашают жреца, который, учитывая время и день рождения, предсказывает судьбу малыша. По предсказаниям жреца может выйти, что рождение ребенка приведет к смерти одного из членов семьи. Тогда родители либо убивают самого ребенка, либо топят в реке его «заместителя», например стебель банана. За свои предсказания жрец получает вознаграждение — белого петуха и четыре монеты. Он отвечает за жизнь и здоровье ребенка в первые дни до омовения. Если в течение этого времени ребенок умрет, то жрец должен возместить отцу данное ему вознаграждение в шестикратном размере [Römer 1908: 253]. Для защиты от болезней (рвоты, кашля, оспы, судорог, эпилепсии и др.) детям сразу после рождения надевают обереги: браслет из козьей шкуры, тростниковую соломинку с тремя или семью узелками, кусочки корней определенных растений и др. [Winkler 1925: 91–92].

Первым важным обрядом, приобщающим ребенка к жизни коллектива, является обряд наречения именем, сочетающийся обычно с первым ритуальным омовением. Обряд совершается у разных батакских племен в разные дни: на четвертый, седьмой, восьмой, десятый или двадцать четвертый день после рождения. Если дети в семье часто умирали, то обряд наречения откладывается на год. До совершения обряда ребенок не имеет имени. У тоба батаков его называют *Си Бурсок* («Малыш»), *Си Бутет* («Малышка») [Harahap 1960: 112], у каро батаков — *Си Тонгат* («Мальчик») и *Си Бери* («Девочка»). У мандайлинг ребенок после рождения и до наречения носит переходное имя: мальчиков называют *Си Далиан* или *Си Бату* («Камень»), девочек *Си Таринг* («Очаг»). Родителей в это время называют по переходному имени ребенка [Joustra 1926: 175, 263].

Обряд наречения состоит из трех основных действий: торжественное шествие к реке и омовение; ритуальная трапеза; собственно наречение именем. Собственно наречение может происходить во время или после ритуальной трапезы. У различных батакских племен эти обряды имеют свои особенности: они отличаются способами обращения со злыми духами, степенью участия родственников и ритуальных лиц, характером праздничной трапезы, наличием или отсутствием игр, спецификой гадательных операций и т. д.

Вот как это происходит у каро батаков. Церемония совершается на 8–10-й день после рождения. Торжественный подход к реке тщательно готовится. В это время надо уберечься от злых духов, которые угрожают матери и ребенку. Их отпугивают корнями целебных растений, бетелевой жвачкой, которую раскладывают везде, где проходит процессия, едким дымом. Первой в торжественном шествии на реку идет женщина, держа в одной руке чашу с рисовыми зернами, в другой — нож без рукоятки. По дороге она высыпает зерна риса. За ней следует другая женщина, которая несет на спине ребенка, завернутого в платок. Мать же несет на спине сверток, изображающий ребенка. На берегу реки женщины кричат ей, чтобы она бросила сверток в воду. Мать разворачивает сверток, он падает, старик подхватывает его и кладет в воду. Мать в это время неподвижно стоит на берегу и смотрит на сверток. После того как старик произнесет заклинание, свертку дают возможность свободно плыть по течению. Этим действием стараются обмануть злых духов. Женщина с ребенком участия в нем не принимает. Затем мать совершает омовение. Женщина, у которой находится ребенок, купает его, а другие женщины растирают смесь из различных растений. Затем ребенка кладут на колени матери, а бабушка ребенка опрыскивает его своей слюной от бетельной жвачки [Braun 1959: 84–85]. Вспомним, что слюна, по представлению батаков, содержит много жизненной силы, а бетельная жвачка считается прекрасным очистительным и целительным средством [Winkler 1925: 34]. Так что смысл этого действия — усиление жизненной силы ребенка и защита его от вредоносного действия злых сил.

Затем все возвращаются домой, где начинается праздничная трапеза. Гости приносят обычные батакские дары: рис, яйца. Начинается игра: на небольшом участке с травой втыкают веточку с листьями, сооружая «сад». Сюда садится мать с ребенком на руках, дает ему немного вареного яйца, предварительно разжеванного. По поведению ребенка судят о том, насколько он будет прилежным земледельцем [Joustra 1902: 409; Braun 1959: 84]. В этот же момент происходит наречение. Совершает этот обряд, как правило, брат матери. После того как все присутствующие произнесут заклинание, брат матери называет выбранное имя и берет в левую руку немного риса. Если обнаружится, что число рисовых зерен нечетное, значит, имя подходит ребенку. Затем он повторяет ту же процедуру, но берет рис правой рукой. Если при этом окажется четное число рисовых зерен, то имя подходит. Считается, что тонди ребенка требует подходящего имени, иначе он будет себя плохо чувствовать. Если гадание с рисом не удастся, то его можно

повторять до тех пор, пока имя не будет подтверждено рисовым оракулом. Но иногда приходится перенести обряд наречения на другой день.

Надо следить, чтобы ребенок не носил имени кровного родственника, живого или умершего. Кроме того, выбранное имя должно состоять из стольких букв, сколько их в названии дня, в который родился ребенок. Первый сын обычно носит имя брата матери, а первая дочь — имя сестры отца. Именами могут быть самые разные слова и выражения. Специально мужских и женских имен нет. Поскольку у батаков распространено христианство, то часто встречаются христианские имена. Если ребенок много болеет, его имя можно изменить. Полученное имя человек носит до вступления в брак и до тех пор, пока у него не появятся собственные дети. Родителей тогда называют по имени первого ребенка [Joustra 1926: 175–176].

У тоба батаков омовение ребенка и наречение именем происходит на четвертый или седьмой день после рождения. Перед тем как нести ребенка к реке, мать должна совершить особое действие — *манурухан апи ни андур* — «унести голубя от огня»: она держит ребенка в левой руке, а в правой — тлеющую головешку из очага, которую тушит в воде, а затем бросает в кусты. Иногда вместо головешки мать несет к воде тлеющую рисовую муку, насыпанную на глиняный горшок [Joustra 1926: 177; Loeb 1935: 48]. Если родился мальчик, то мать вместе с ребенком несет на место омовения копье или меч, если девочка — детали ткацкого станка [Winkler 1925: 67]. Мать сама моет ребенка, затем возвращается домой. Во время ритуальной трапезы обряд наречения совершает жрец. Он тоже проверяет, подходит ли данное имя ребенку, при помощи гадания с рисовыми зёрнами, но правила гадания иные, чем у каро батаков: имя считается подходящим, если в руке жреца оказалось четное число рисовых зёрен или число, делящееся на четыре [Joustra 1902: 177; Meerwaldt 1894: 535].

У тоба батаков родителей также называют по имени первого ребенка, а их собственные имена произносить запрещено. Об этом обычае пишет Поспос: «Есть один обычай у нашего народа: имена отца, матери, брата матери, бабушек и дедушек являются табу, т. е. мы не должны их произносить. Только став взрослыми, мы узнаем, как зовут отца, мать или бабушку. Часто случались драки из-за того, что другие дети осмеливались называть имена наших отцов» [Pospos 1950: 4]. Произнесение имени может вызвать несчастье, в том числе и одно из самых страшных — не будут рождаться дети [Narahar 1960: 137]¹⁰.

У батаков пак-пак (даири) торжественное шествие к реке сопровождается музыкой. В начале процессии несут стволы банана и дерева нанки, изображающие кукол в позе обращения к божествам. Семья, в которой родился ребенок, несет с собой еду, которую предлагают всем участникам шествия. В конце процессии идет бабушка со стороны матери с ребенком на руках. На реке малыша прикладывают к воде, а домой его несет мать. Прежде чем начнется угощение гостей, двух бабушек кормят мясом буйвола

¹⁰ Подробно о значении имен у тоба батаков см.: [Никулина 1984: 127–134].

с солью и кокосовым орехом. Во время трапезы сестра отца дает ребенку имя и получает за это небольшую плату [Ypes 1907: 479; Braun 1959: 77].

У батаков племени тимур ритуальное омовение ребенка и наречение происходят на седьмой день после рождения. Если, по прогнозам жреца, будущая жизнь ребенка будет складываться не очень счастливо, то к реке несут его попеременно все женщины-участницы шествия, чтобы обмануть духов. Если же ребенку ничего не угрожает, то его несет мать, завернув в особую ткань *ragi idup* или *ragi pane* — «платок жизни». На реке, прежде чем обмыть ребенка, приносят жертву духам в том случае, если день рождения малыша не вполне благоприятен. Мать бросает бананы в реку, приговаривая: «Пльви, мой ребенок», — а женщина, на руках которой находится в это время новорожденный, отвечает: «Твой ребенок не здесь» — и отдает его матери [Braun 1959: 88]. При возвращении домой родители с ребенком и их родственники встают на лестницу дома, их осыпают желтым рисом и говорят: *Гуру семангат, нуланг семангат ке бадан* («О душа-наставник, возвращайся, душа, в тело»). После этого все входят в жилище, ребенка взвешивают (противовесом служит рис), кладут ему в рот несколько зерен вареного клейкого риса и обрызгивают водой. После трапезы происходит наречение, причем мальчику дает имя старший брат матери, а девочке — старшая сестра матери. Как только ребенок получил имя, ему на запястье надевают браслет из черных, красных и белых ниток [Braun 1959: 40].

По некоторым данным, непосредственное участие в обряде наречения принимает повитуха, которая появляется на двадцать четвертый день после рождения ребенка. Она же несет ребенка к реке. Ребенок, завернутый в платок, находится у нее на спине, в правой руке у нее оружие (если мальчик) или щипцы для кокосового ореха (если девочка), в левой руке — средства для отвращения злых духов. После этой церемонии повитуха получает вознаграждение: несколько тарелок риса, яйца, рис, который служил противовесом при взвешивании ребенка, шесть локтей белой ткани [Hamerster 1926: 78; Braun 1959: 92].

Повитуха играет особую роль в обряде наречения именем и у батаков мандайлинг. Чтобы уничтожить дурное влияние духов, она, прежде чем отправиться к реке для омовения ребенка, выплевывает жвачку из целебных корней на лестницу дома, на дорогу от дома до реки и в воду, в которой омывают ребенка. Повитуха сама купает ребенка в реке, а затем натирает его благовониями, особенно тщательно головку. При возвращении домой до начала праздничной трапезы отец дает ребенку имя, которое он носит до наступления половой зрелости. В период половой зрелости дается новое имя, которое человек носит до вступления в брак [Joustra 1926: 177–178].

Имя играет немаловажную роль в дальнейшей жизни. У тоба батаков молодые люди перед вступлением в брак идут к жрецу, чтобы он определил исходя из их имен, насколько подходят их тонди друг к другу, смогут ли они быть счастливы в браке, т. е. будут ли у них дети. Если жрец, сопоставляя имена молодых людей, не может дать удовлетворительный ответ, он предлагает либо изменить планы женитьбы, либо решать свою судьбу самим.

Иногда он дает молодым людям новые имена. По этому случаю устраивается праздник, подобный тому, какой устраивается в связи с наречением новорожденного, и новые имена сообщаются родственникам, вождю и всем общинникам [Winkler 1925: 188–189]. «Невыполнение данных предписаний, — отмечает Л. В. Никулина, — не только вызывает недовольство духов умерших предков, но, что гораздо страшнее, — строгое наказание со стороны живущих соплеменников. Человек, не выполняющий предписанных традиций называния, лишается поддержки родственников — вплоть до вычеркивания его имени из генеалогии, т. е. становится изгоем, не считается более тоба батаком и оказывается в социальном вакууме» [Никулина 1984: 133].

Основное питание новорожденного ребенка — материнское молоко. Если его не хватает, ребенку дают сладкую воду, кокосовое молоко, разведенное водой. Детей кормят грудью долго — до появления следующего ребенка, иногда до четырех лет. Поскольку каро батаки рано начинают курить, то еще в начале века можно было видеть четырехлетнего ребенка, сосущего грудь и держащего в руках папиросу [Römer 1908: 251]. С первых дней жизни ребенку дают бананы и вареный рис, часто разжеванный матерью. Рис, обладающий большой жизненной силой, особенно благотворно сказывается на развитии ребенка. Даже если ребенок не пробует рис в первые месяцы жизни, ему все-таки символически подносят рис ко рту, поскольку считается, что тонди ребенка, вкусившего рис, будет крепче. Если, например, ребенок умрет, не попробовав риса, то в мире мертвых он не будет считаться человеческим существом. Поэтому даже умирающему малышу мать кладет в рот немного риса [Winkler 1925: 48; Braun 1959: 73].

Грудного ребенка мать всюду носит с собой в платке на бедре или на спине. Если в семье у тоба батаков уже умерло несколько малышей, то новорожденного носят в особом платке *улос лобу-лобу*. Дома младенцы спят в люльке с тряпьем, подвешенной к балке дома. Матери работают в поле с грудным ребенком за спиной, иногда укладывают его прямо на меже. Более взрослые дети во время прополки риса бывают дома под присмотром отца [Winkler 1925: 51].

У каро батаков грудными детьми тоже занимается исключительно мать, но в настоящее время мужья начинают помогать им донести ребенка в поле, в деревню. Сейчас можно увидеть картину, ставшую уже довольно обычной: муж с грудным ребенком на руках идет в лавку, пока жена занята работой. Когда оба идут в соседнюю деревню, муж несет малыша на руках, но перед входом в деревню он отдает ребенка жене [Singarimbun 1975: 47].

Пока у ребенка не появились зубы, мать не расстается с ним, так как считается, что у него слишком мало жизненной силы, чтобы противостоять злым духам. Во многих случаях ребенок, у которого еще нет зубов, и ребенок неродившийся, находящийся в утробе матери, равны по статусу. У каро батаков их хоронят одинаково — тайком под домом или в лесу. Их смерть не оплакивают. Подобным образом положение женщин, имеющих детей без зубов, приравнивается к положению беременных: и те и другие имеют пра-

во во время похорон поднести ко рту умершего свернутый лист банана с горстью рисовой муки, бетеля и яйцами [Neumann 1939: 539].

Появление первых зубов и первых волос знаменует начало второго важного этапа в жизни малыша после наречения. У каро батаков в день появления первого зуба призывают жреца, который, как и при рождении, предсказывает судьбу ребенка [Römer 1908: 253–254]. Волосы, как и зубы, содержат концентрированную жизненную силу, что мы уже отмечали. Поэтому ребенок, родившийся с волосиками на голове, считается подарком божества. Сила сохраняется и в отрезанных волосах, ее можно передать тому, кто хранит их. Вот почему при первой стрижке волос преподносят дары тонди, чтобы она не испугалась, а отрезанные волосы, содержащие много легко улетучивающейся жизненной силы, старательно оберегаются [Braun 1959: 80]. Волосы и зубы (особенно клыки) как зримые выражения все увеличивающейся и крепнущей силы ребенка связаны между собой: первые волосы нельзя стричь до появления клыков. Операции с зубами будут и в последующей жизни ребенка символизировать его переход в другую возрастную группу.

Воспитание и поведение ребенка в семье и среди своих сверстников, а также отношения его с родителями и сиблингами распадаются на два периода: до полового созревания, когда половозрастные особенности не имеют большого значения, и во время полового созревания, когда особенности пола выступают на первый план во взаимоотношениях между родителями и детьми и между самими подростками.

Дети до четырех-пяти лет спят в одной комнате с родителями. Более взрослые дети одного пола и близкие по возрасту спят обычно в комнате, где едят, принимают гостей, беседуют. Дети ходят коротко и наголо постриженными, но на темени обязательно оставляют волосы. Дети у тоба батаков носят многочисленные украшения: браслеты, кольца, ожерелья из кораллов и раковин. Дети у каро батаков, особенно молодые девушки, носят амулеты — на веревке и в серебряных футлярах. Украшения и амулеты часто являются единственной «одеждой» детей до семи лет. У мандайлинг девочки до пяти лет, а мальчики — до четырех, иногда до восьми, ходят неодетыми [Joustra 1926: 138, 139].

У батаков существует разделение труда по полу: тяжелую работу, а также легкую, но опасную, выполняют мужчины, а не очень тяжелую, но трудоемкую — женщины. Дети соответственно своему полу помогают родителям. Девочки вместе с женщинами заняты возделыванием риса, работают в поле, собирают урожай, сушат, обрушивают рис. Мальчики помогают отцу. Так, уже упоминавшийся нами Поспос, автор воспоминаний о детстве, рассказывает, как он помогал отцу раздувать кузнечные мехи [Pospos 1950: 13]. В шесть лет он уже умел готовить пищу. «Мы, деревенские дети, — пишет он, — рано начинаем помогать родителям готовить, запасать дрова для очага, носить воду» [Pospos 1950: 4].

Общение детей у батаков дошкольного возраста, до шести-восьми лет, довольно свободное, они знакомятся на полевых работах, на праздниках.

В семь-восемь лет дети, как правило, начинают посещать деревенскую школу. В некоторых районах у тоба батаков ходят в школу с шести лет. Точный возраст ребенка известен не всегда, и чтобы определить, пора ли идти в школу, делают так: «Ребенку приказывают встать совершенно прямо и охватить руками голову. Затем проверяют, может ли он кончиками пальцев коснуться ушных раковин. Если может, значит, он достиг школьного возраста» [Pospos 1950: 5]. Так же подробно Поспос рассказывает об обучении сначала в деревенской школе (три года), а затем в средней (еще три года). После этого можно поступать в школу более высокого разряда, где обучаются четыре года. Такая система обучения существовала в конце 1940-х—начале 1950-х годов. Обучение детей в школе считалось очень престижным. «У нас на родине, — пишет Поспос, — степень благосостояния семьи измеряется не площадью полей, не количеством скота, а тем, какую школу — начальную или более высокую — посещают дети. Счастливым, процветающим считается тот, у кого дети посещают школу более высокого разряда. Чем больше детей в семье учатся в школе, тем счастливее считают ее соседи» [Pospos 1950: 43–44]. И ценность ребенка, посещающего школу, повышается. Тот же автор пишет, что отец, глава небогатой семьи, имеющий дочь, посещающую школу, может позволить себе транжирить деньги, потому что он уверен, что дочь его обязательно выйдет замуж и тогда он возместит свои расходы [Pospos 1950: 44].

Много времени дети проводят в играх со своими сверстниками. Мальчики играют в футбол, в плетеный мяч — одну из самых распространенных игр в Юго-Восточной Азии. Во многие игры девочки и мальчики играют вместе¹¹. При этом брат предпочитает играть с другими девочками, а не со своей сестрой. «Я редко играл со своей сестрой, — пишет Поспос, — особенно когда учился в средней школе, а она — в школе для девочек. У нас давно существует обычай: мальчики не дружат со своими младшими сестрами, они должны сторониться друг друга, брат обращается к сестре *каму*, а не *энгкау* (грубая и вежливая формы местоимения «ты». — *Е. Р.*). С другими девочками мы были ближе» [Pospos 1950: 19].

Любовь к детям со стороны родителей у разных батакских племен проявляется по-разному и, кроме того, зависит от возраста и периода жизни ребенка. У каро батаков считается, что любовь к детям сильнее супружеских чувств. Поскольку в рождении ребенка, с точки зрения каро батаков, принимают участие как родители, так и брат матери, то дети, по их мнению, испытывают большую привязанность к матери, чем к отцу. Словом «мать» (*нанде*) называют у них и любимую девушку. Отец много времени проводит с детьми, играет с ними, но все же он всегда прежде всего хранитель порядка в доме, «тот, к кому обращаются с вопросами и от кого ждут ответа», и тот, кто наказывает детей за шалости. Дети боятся его наказания [Singarimbun 1975: 46–47]. Но вообще с детьми у каро

¹¹ См. описание нескольких батакских игр: *марпинсе*, *маргаджа*, *ломбанг* и др. [Pospos 1950: 11–12]; о детских играх см. также: [Joustra 1926: 150–151, 153].

батаков обращаются мягко, наказывают редко, никогда не бьют [Joustra 1926: 153].

У тоба батаков отношение к детям более суровое. Поспос пишет, как он боялся отцовского гнева, как отец никогда не разговаривал с ним, не спрашивал о его делах в школе. «Никогда отец не показывал свою любовь ко мне. Не потому, что он не любил меня, а потому, что так полагается» [Pospos 1950: 18]. Не очень близкие отношения были у мальчика и с матерью. Для нее, по его словам, достаточно было, чтобы сын помогал готовить еду, искать дрова, стирать одежду, пасти скот. И только в критические минуты (тяжелая болезнь, длительная разлука) родители обнаруживали свою любовь к сыну. Оба плакали, когда мальчик так болел, что они потеряли надежду на выздоровление. А когда он надолго уезжал учиться в большой город, мать впервые поцеловала его, а отец, провожая на корабль, долго махал ему вслед рукой. В этот момент оба почувствовали, что никогда не были так близки. У сына навернулись на глаза слезы. «Я чувствовал его любовь ко мне, и, хотя он никогда не проявлял ее, я знал, что именно я его любимец. Может быть, только в тот день (кто знает, не в последний ли раз) он показал, что любит меня», — пишет автор [Pospos 1950: 81].

Иногда родители с детства обручают детей. Поспос сообщает, что родители обручили его с девочкой, которая была старше его на шесть лет, но он сам не знал об этом. О том, что девочка — его невеста, сказали друзья. Мальчик стеснялся и убегал, если издали видел ее [Pospos 1950: 82]. Раньше нередко были случаи, когда невеста была настолько старше своего жениха, что ей приходилось жить в доме родителей «мужа» и ждать, пока он подрастет. Такая невеста называлась *парумаен ди лосунг* («невеста — рисовая ступка»), так как в доме она могла только толочь рис [Wilken 1912: 153].

С приближением половой зрелости меняется образ жизни ребенка в семье и отношения его как с родителями, так и с сиблингами, особенно противоположного пола. У каро батаков сыновья с восьми-десяти лет не ночуют дома. Они спят в рисовых амбарах¹² вместе со своими сверстниками и неженатыми мужчинами. Днем они приходят домой только для того, чтобы поесть, и сразу же должны уйти. Если мальчик останется дольше, то над ним будут насмехаться, подозревая его в сексуальном влечении к девочкам и замужним женщинам. Взрослый неженатый юноша, даже если он остался совсем один, не может жить в доме, его место — в рисовом амбаре, так как, во-первых, домашняя работа считается женской и мужчина не должен ею заниматься, во-вторых, его подозревают в этом случае в сексуальных связях с девушками и женщинами [Singarimbun 1975: 35, 39].

¹² У батаков есть рисовые амбары двух типов — с платформой и без. Они служат 1) для хранения риса; 2) ночлега мальчиков-подростков, неженатых молодых людей, гостей; 3) встреч, бесед, общения членов коллектива. Существуют также амбары наполовину женские, наполовину мужские; утром в них находятся мужчины, а в полдень приходят женщины, сушат рис, плетут циновки и к вечеру уходят (о роли амбаров в жизни батакской общины см.: [Singarimbun 1975: 19; Winkler 1925: 17]).

У тоба батаков не только мальчики, но и девочки ночуют в специальном доме под присмотром вдовы или старой, чаще всего незамужней, женщины [Pospos 1950: 55; Joustra 1926: 139]. Если взрослый мальчик у каро батаков не может жить в доме один, то взрослая незамужняя девушка может оставаться жить в доме одна, если, например, у нее умерли родители, но, как правило, она все же живет в доме вместе с семьей своей замужней сестры или жена того брата.

В период полового созревания детям всегда подпиливают и чернят зубы, обычно резцы, иногда и клыки. Мальчикам подпиливают половину зубов, а девочкам — до десны. Операцию делает жрец: сначала зубы каменным молоточком отбивают по кусочкам, добиваясь нужной длины, а затем их подтачивают специальным железным долотом [Römer 1908: 254]. При совершении этой операции жрец смотрит, куда падают отломанные кусочки зубов, и в зависимости от этого предсказывает будущее. При этом он старается, чтобы кусочки зубов попали в такое место, которое благотворно повлияло бы на судьбу подростка [Winkler 1925: 185]. Подпиленные зубы натирают черной дегтеобразной пастой. После этой операции дети какое-то время должны находиться в изоляции.

Тоба батаки считают, что только тогда, когда зубы подпилены, можно жевать бетель. Жевание бетеля у батаков распространено чрезвычайно, как и у других народов Юго-Восточной Азии. Этот обычай не только сопровождает все важные дела и церемонии — обручение, свадьбу, официальные переговоры, — но и делает того, кто жует бетель, полноправным участником этих церемоний. У батаков, кроме того, разрешение жевать бетель есть одновременно и разрешение на свободное открытое общение между подростками и молодыми людьми. Сажа, которой чернят зубы, охотно употребляется молодежью и как «приворотное зелье». Подпиливание и чернение зубов является необходимым условием для вступления в брак. О тех, кто не делает этой процедуры, говорят: «Он (она) еще сосет материнскую грудь». Юноша с неподпиленными зубами считается незрелым в половом отношении мальчиком, на чьи слова на совете мужчин никто не обращает внимания [Winkler 1925: 37].

От семи до десяти лет мальчики сами себе делают обрезание. Эта процедура проводится тайно, в одиночестве, и не предусматривает никакого торжества. У некоторых батакских племен обрезанию подвергаются и девочки. Так же как после подпиливания зубов, дети после обрезания несколько дней не видятся ни со взрослыми, ни с другими детьми [Joustra 1926: 178, 181; Römer 1908: 254].

Подпиливание и чернение зубов, обрезание, изоляция на некоторое время после совершения этих обрядов символизируют переход подростков в следующую возрастную группу, в которой отчетливо выражена перспектива на брачные отношения. В это время общение подростков становится более свободным, чем раньше, причем у каро батаков нравы менее строгие, чем у тоба батаков. Девочки у каро батаков считаются взрослыми в 12 лет, а мальчики — в 14 лет, и хотя добрачные половые связи не разрешены, они

все же случаются довольно часто, а нежелательная беременность прерывается, что ведет к большому количеству бесплодных браков впоследствии [Römer 1908: 254].

У тоба батаков общение юношей и девушек разрешается только в доме, где они спят под надзором старой женщины. Юноши приходят к девушкам, знакомятся, беседуют. Поспос пишет, что в средней школе они не общались с девочками, «может быть, потому, что мы уже выросли, а может, и потому, что юноши и девушки не привыкли встречаться нигде, кроме того места, где разрешено» [Pospos 1950: 60].

В общении между юношами и девушками распространен так называемый язык цветов (листьев). Это своего рода молодежный метафорический язык. Названия листьев определенных растений ассоциируются по звучанию с определенными словами. Например, *пау* («папоротник») означает *ау* («я»), *пау рара* («красный папоротник») означает *ау ра* («я хочу»). Если девушка называет юноше следующие листья: *булунг ни сатарак*, *булунг ни дундунг*, *булунг ни ситата*, *булунг ни подом-подом*, *пау*, — то этим она хочет сказать: *Дунг до хита марсарак*, *лаинг на джо-ло тангис до ау ансо модом* («После того как мы расстались, я плакала и не могла заснуть»). По мнению голландского ученого К. А. Опхайзена, открывшего «язык листьев» у батакской молодежи, постоянные упражнения в иносказании привели к образованию особой формы поэзии — четверостиший, построенных на ритмико-музыкальных параллелизмах, к которым иногда присоединяется и смысловой параллелизм [Opheijzen 1886: 402–432]. Эти четверостишия (*энде*) родственны знаменитым малайским пантунам. Тайные ухаживания и обмен четверостишиями изошренно лирического содержания нередко заканчиваются браком, но не обязательно. Добрачные половые отношения, иногда случающиеся в результате «проигрыша» в обмене четверостишиями, никак не связывают молодых людей в будущем [Joustra 1926: 179].

В период половой зрелости детей их отношения с родителями становятся все более отчужденными, особенно между матерью и сыном, отцом и дочерью. У каро батаков сын с наступлением половой зрелости (примерно с 14 лет) не должен оставаться наедине с матерью, общение между ними происходит обязательно в присутствии третьего лица. Мать, например, не пойдет работать на рисовое поле одна, если там находится сын. Масри Сингаримбун описывает сложный случай: сорокалетняя вдова и ее неженатый 19-летний сын были вынуждены избегать друг друга [Singarimbun 1975: 48]. Если сын, живя и ночуя в рисовом амбаре, приходит домой поесть, то он может оставаться вдвоем с матерью, но при этом они должны сидеть далеко друг от друга и только после еды обсуждать важные дела. Если мать все-таки общается со взрослым сыном, хотя бы в присутствии третьего лица или на большом расстоянии друг от друга, то отец может находиться со взрослой дочерью только в присутствии третьего лица, а разговаривать с ней не должен ни при каких обстоятельствах. Отношения отца и взрослого сына не столь строги, но имеют свои ограничения: отец и сын не могут вместе ку-

паться, сын должен купаться после отца, они не могут вместе присутствовать при разговорах на сексуальные темы.

Отношения между сиблингами в разные периоды жизни зависят прежде всего от половой принадлежности. Отношения между однополыми сиблингами всегда дружеские и доверительные. У каро батаков считается, что они столь же близки между собой, как мать и дети. Если хотят выразить понятие крепкой дружбы между людьми, то ее сравнивают с братской дружбой. Среди братьев, однако, сильны отношения субординации по принципу «старший — младший». Младший подчиняется старшему, называя его термином родства *какак* («старший брат»), *какак туа* («самый старший брат»), *какак тенга* («средний брат»). Старший брат называет младшего по имени. Самый старший брат имеет преимущественные права наследования собственности, титулов. Он во многом заменяет отца; как и отец, он считается тем, «кто дает советы». Младшие братья обращаются за советом к старшему брату даже в случае своих семейных неурядиц. Но если между братьями возможно эмоциональное охлаждение из-за прав наследования, то среди сестер дружеские привязанности остаются неизменными на протяжении всей жизни, поскольку их не разделяют экономические интересы. Как уже было отмечено, идеальным у каро батаков считается брак, когда сын сестры женится на дочери брата, и, таким образом, имущество семьи в основном сохраняется [Singarimbun 1975: 49–50, 54].

Разнополые сиблинги в период половой зрелости общаются минимально. Если сын приходит домой есть, а матери нет дома, то сестра должна обязательно уйти. Более близкие отношения у сестры с братом появятся позже, когда она выйдет замуж: брат будет считаться духовным отцом ее будущего ребенка и принимать участие в его воспитании. В отношениях между родителями и взрослыми детьми, а также между взрослыми сиблингами явно выражены различные формы избегания, причины которых до сих пор не нашли убедительного объяснения¹³. Никаких следов инцеста между сиблингами не обнаружено ни в прошлом, ни в настоящем, однако мотив подобного инцеста чрезвычайно распространен в батакской мифологии, особенно в мифах о возникновении жреческих жезлов [Ревуненкова 1977: 27–37].

Этот мотив переплетается с представлениями о разнополых близнецах, к которым у батаков, как и у многих других народов, очень сложное отношение [Иванов 1978: 214–246]. Близнецный культ как источник многочисленных мифологических сюжетов, играющих особую роль в воспитании детей и формировании традиционного мировоззрения, составляет уже тему специального исследования.

Как было отмечено в начале настоящего очерка, судьба человека у всех батакских племен в значительной степени predetermined количеством

¹³ См.: [Смирнова, Першиц 1978]. По аналогии с папуасами Новой Гвинеи обычай избегания между матерью и сыновьями у батаков можно рассматривать как отчуждение мужчин от семьи и соответственно укрепление их связей с родом [Бутинов 1979: 122–138].

и стойкостью его жизненной силы тонди, которая передается детям от родителей, а также накапливается, возвращается и укрепляется в материнской утробе. Весь жизненный путь человека в основном зависит от того, насколько прочна его жизненная сила и насколько способна она защитить сама себя от злых духов. Жрец может в какой-то мере устранить угрозу, оказать противодействие злым и дурным влияниям, но успешнее всего это делается также еще до появления ребенка на свет. Вот почему самая тщательная забота о жизнеспособности ребенка со стороны матери, семьи, всей общины, ритуальных лиц (жрецов, шаманов, повитух) падает на период его утробного развития и на первые месяцы жизни, до появления первого зуба (примерно до года), т. е. на период, когда его жизненная сила еще недостаточно крепка и особенно подвержена вредоносным воздействиям.

В это же время совершаются и наиболее важные обряды в жизни ребенка: ритуальное омовение, наречение именем, обряд по случаю появления первого зуба. Следующие обряды столь же важного значения совершаются только в период половой зрелости. Примерно от одного года до шести-семи лет дети живут в семье, общаются со своими сверстниками, помогают родителям и, естественно, усваивают традиции и нормы поведения своей общины. Начиная с семи-восьми лет дети, особенно мальчики, постепенно отдаляются от семьи. На их воспитание большее влияние оказывают старшие юноши, мужчины общины. В воспитании девочек у некоторой части тоба батаков также большую роль начинает играть взрослая опытная женщина, общество сверстниц. И наконец, в 12–14 лет, после обрядов подпиливания и чернения зубов и обрезания, подростки еще более отдаляются от родителей. Они становятся полноправными членами коллектива, способными самостоятельно решать свою судьбу, вступать в брак и создавать собственную семью.